

Глава 11. Восприятие социальной структуры и социальных неравенств в современном российском обществе представителями разных страт¹

В предыдущих главах книги был проведен комплексный анализ жизненных шансов и рисков, которыми характеризуется положение различных групп россиян. Этот анализ позволил выявить основания и продемонстрировать наиболее важные проявления объективных неравенств в качестве жизни, характеризующих социальную структуру современного российского общества. Еще одно измерение этой картине, позволяющее глубже понять сегодняшнюю социальную реальность, может добавить субъективное восприятие социальной структуры и социального неравенства населением, в том числе различия в этом отношении между представителями разных страт, выделенных по их жизненным шансам, депривациям и рискам.

Проблема объективных и субъективных измерений неравенства как одного из ключевых вызовов современного этапа мирового развития вышла на первый план в научных и общественных дискуссиях после кризиса 2008–2009 гг., однако и до этого опасения, связанные с растущим неравенством, все чаще озвучивались научным сообществом. По оценке известного американского специалиста по социальным неравенствам и социальной структуре Д. Груски, до 1960–1970-х годов неравенство также признавалось значимой и общественно важной проблемой, но предполагалось, что прогрессивное общественное развитие приведет к снижению неравенства, а политическое управление им будет становиться проще по мере перехода обществ к более благополучным формам «продвинутого» индустриализма. Большинство работ послевоенного периода с помощью разных подходов и теоретических рамок анализа обосновывали единый тезис о том, что в новой социальной реальности социальные неравенства сглаживаются, возможности становятся распространены более равномерно, а классовые

---

¹ В данной главе частично использованы материалы статьи [Мареева, 20186].

конфликты и классовые различия становятся все менее заметными [Grusky, 2011].

Однако в 1960–1970-х годах дискурс анализа неравенства заметно изменился, развернувшись практически в противоположную сторону, и тезис о снижении неравенства утратил свои позиции. Исследования же последних лет приводят к выводу о том, что неравенство продолжает усиливаться. Это характерно одновременно и для неравенств как между индивидами и домохозяйствами в рамках одной страны, так и для неравенств между странами и регионами. При этом экономисты отмечают, прежде всего, растущее (или как минимум не снижающееся) монетарное неравенство — по доходам и особенно богатству, что отразилось в последние годы в целом ряде посвященных этой проблеме работ [Миланович, 2017; Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015]. Социологи же обращают внимание на сохранение множества немонетарных форм неравенств и появление новых их типов при сохранении значимости традиционных их форм [Savage, Li, 2021]. Пандемия не только обострила эту проблему, но еще ярче проявила различные измерения неравенства на микроуровне — от неравенства в доступности необходимой медицинской помощи до неравенства положения на рынке труда с точки зрения возможности сохранения занятости в специфических социально-экономических условиях последних лет.

Озабоченность проблемой неравенства выходит за пределы только научного сообщества — в частности, задача снижения уровня неравенства внутри стран и между ними вошла в Цели устойчивого развития ООН. Целый ряд докладов международных организаций в последние годы был также сфокусирован на проблемах неравенства в мире — в частности, доклад неправительственной некоммерческой организации Oxfam International, подготовленный для Всемирного экономического форума в Давосе — «Экономика для 1%. Как привилегии и власть в экономике приводят к радикальному неравенству, и как это можно остановить»; серия докладов Всемирного банка «Бедность и всеобщее процветание»; ежегодный доклад о переходном процессе Европейского банка реконструкции и развития за 2016–2017 гг., впервые посвященный именно проблемам неравенства, и др. [EBRD, 2017; Hardoon, Ayele, Fuentes-Nieva, 2016; World Bank, 2016; World Bank, 2018].

Отдельным и очень важным вопросом выступает при этом специфика восприятия социальных неравенств и их допустимой глубины населением. С оценками неравенств тесно связаны

и восприятие населением страны социальной структуры общества, в котором они живут, и определение ими своего собственного положения в пространстве социальных позиций. Запрос на сокращение неравенств может формироваться в условиях их излишней, в представлениях населения, глубины, а также в отношении тех неравенств, которые воспринимаются общественным сознанием как нелегитимные. Негативные последствия оценки неравенств населением как излишне высоких, имеющих несправедливые основания и в целом не соответствующих «идеальной» общественной модели, могут иметь далеко идущие социальные последствия — генерировать социальную напряженность, ухудшать социально-психологическое состояние населения, создавать основания для делегитимизации власти в его глазах, способствовать формированию запроса на изменение общественного договора с государством. С другой стороны, восприятие неравенств как меритократических может выступать ресурсом для экономического развития, стимулом для инвестиций населения в человеческий капитал и повышения продуктивности его активности в целом.

Субъективное восприятие неравенств можно рассматривать и как часть более широкой дискуссии о справедливости [Штомпка, 2017] и необходимости учета субъективных представлений населения при оценке общественного благосостояния [Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016]. Несмотря на то, что исследования показывают, что население может ошибаться в оценках глубины объективного неравенства и своих позиций в системе неравенства [Gimpelson, Treisman, 2018], его субъективные оценки важны сами по себе, поскольку они могут выступать предпосылками социальных действий и выбора тех или иных поведенческих стратегий на микроуровне.

Обсуждение степени остроты, факторов и последствий объективно существующих неравенств активно ведется и в российской научной среде, причем с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи. Так, только в последние несколько лет появилось сразу несколько таких работ [Аникин, Тихонова, 2016; Капелюшников, 2017; Овчарова, Попова, Рудберг, 2016]. Однако вопросу восприятия неравенств населением уделяется сравнительно меньше внимания, хотя посвященные этой проблематике работы все же периодически выходят [Гимпельсон, Монусова, 2014; Мареева, Тихонова, 2016; Салмина, 2007]. Явно недостаточно внимания уделяется и представлениям населения

о социальной структуре общества, хотя некоторые работы в этой области также представлены [Косова, 2016; Мареева, Тихонова, 2016; Тихонова, 2014].

В силу как недостаточной освещенности самой этой темы, несмотря на ее растущую важность, так и значимости выявления выступающих константами общественного сознания или специфических для отдельных слоев и групп населения норм, взглядов и установок, в данной главе мы сосредоточимся именно на субъективном срезе социальных неравенств. Будут рассмотрены их восприятие россиянами из массовых слоев, оценка населением основанной на них социальной структуры российского общества, а также дифференциация взглядов на этот счет в зависимости от положения индивидов в пространстве жизненных шансов и рисков. Такой анализ позволит не только лучше понять специфику видения нынешнего общественного устройства России ее населением, но и определить ключевые вызовы для дальнейшего развития страны, связанные с проблемами социального неравенства. Как и в предыдущих главах, в своем эмпирическом анализе мы опираемся в основном на данные 2018 г., поскольку пандемия заметно повлияла на социальное самочувствие россиян, вызвав в нем определенные флуктуации. Кроме того, само понятие нормы в этот период в представлениях населения подверглось «коррекции». Однако точно мы используем и данные других лет².

Острота монетарных и немонетарных неравенств в оценках россиян

Начнем наш анализ с общего восприятия «ландшафта» социальных неравенств россиянами и динамики этих представлений в последние несколько лет. Первое, что стоит отметить, – это высокая актуализированность проблемы неравенств в общественном сознании. В 2021 г., говоря о тех задачах, которые Россия, с учетом новых реалий, должна решать в первую очередь, 37,3% россиян отметили именно смягчение социальных неравенств. Эта задача

---

² Эмпирической базой для анализа, результаты которого изложены в данной главе, выступили массивы данных ряда общероссийских репрезентативных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН: «О чем мечтают жители России?» (март 2012 г.), «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013 г.), а также 11-й и 12-й волн Мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г. и апрель 2018 г.). Подробнее о них см. Приложение В.1.

оказалась в общественных представлениях второй по важности в общем рейтинге стоящих перед страной задач, пропустив вперед только борьбу с коррупцией (39,9%). При этом об отсутствии острых неравенств в современной России в 2018 г. говорили лишь 1,5% населения, и всего 9,3% отмечали, что они сами не страдали ни от каких неравенств. Рейтинг наиболее болезненных неравенств возглавляло при этом неравенство по доходам — его отмечали как самое болезненное для общества в целом 83,8% населения, а как болезненное лично для себя — 69,4%. Среди немонетарных неравенств наиболее остро воспринимались связанные с базовыми аспектами качества жизни — медициной и жильем. За ними следовала группа неравенств, связанных с возможностями социальной мобильности — неравенства в доступе к хорошим рабочим местам, образованию, а также неравенство возможностей для детей из разных слоев общества. Остальные неравенства как болезненные для общества в целом отмечало менее трети населения (табл. 11.1).

Сравнение данных 2015 и 2018 гг. показывает, что рейтинг наиболее острых неравенств, влияющих на общество в целом, в представлениях населения в этот период, за небольшими исключениями, не изменился. Однако в отношении ситуации в обществе россияне заметно чаще стали отмечать в числе наиболее острых проблему неравенства доступа к медицинской помощи (58,7% в 2015 г. и 69,6% в 2018 г.) и образованию (40,3 и 47,7% соответственно). Эти два типа неравенств напрямую связаны с человеческим потенциалом, который, согласно ряду сценариев, должен был бы стать одним из ключевых драйверов нового этапа развития страны. В этом контексте такая динамика оценок выступает тревожным индикатором ситуации в данной сфере. В новых условиях это особенно важно, так как в 2020 г. именно равный доступ к медицинскому обслуживанию назывался россиянами главным критерием справедливого общества, опережая по популярности в общественном сознании даже такие принципы, как различия в доходах или уровне жизни.

В оценке тех неравенств, от которых страдают сами россияне, в период 2015–2018 гг. происходили изменения, свидетельствующие об их растущей остроте. Так, заметно возросла болезненность восприятия неравенства в доступе к медицинской помощи (с 38,9% до 51,2%); более чем в два раза выросла доля россиян, отмечающих, что они страдали от неравенства в возможностях отдыха и досуга (с 12,4% до 27,0%); в меньшей степени, но также увеличилась доля тех, кто болезненно воспринимал неравенство

Таблица 11.1

Наиболее болезненные неравенства для общества в целом и лично для респондентов, ИС ФНИСЦ РАН, 2015–2020 гг., %*

Типы неравенств	Болезненные для общества в целом		Болезненные лично для респондента		
	2015	2018	2015	2018	2020
Доходов	81,9	83,8	65,6	69,4	67,2
В доступе к медицинской помощи	58,7	69,6	38,9	51,2	46,2
В доступе к хорошим рабочим местам**	47,5	51,9	36,7	37,5	38,1
Жилищных условий	60,7	64,0	30,1	36,0	32,3
В возможностях отдыха и проведения досуга	14,0	22,4	12,4	27,0	20,5
В доступе к образованию	40,3	47,7	15,7	22,5	19,9
В возможностях для детей из разных слоев общества	30,7	32,6	17,9	19,0	25,9
В обладании собственностью	18,0	19,5	12,4	15,6	19,1
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	7,7	8,7	9,9	10,6	6,2
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10,0	8,8	10,7	10,1	14,1
В доступе к культурным, художественным ценностям (театры, музеи, выставки)	—	6,5	—	9,3	5,2
В физических возможностях	6,9	6,4	9,1	9,1	9,3
В возможностях пользования компьютером и Интернетом	—	4,1	—	3,8	1,5
Таких неравенств нет	2,5	1,5	8,6	9,3	9,6

Примечания. *Серым фоном выделены позиции, увеличение по которым по сравнению с предыдущей точкой замера составило более 5%. **Жирным шрифтом** выделены показатели, превышающие 50%. **Доли приведены для работающего населения.

в доступе к образованию (с 15,7% до 22,5%) и неравенство жилищных условий (с 30,1% до 36,0%). Таким образом, даже в условиях экономического кризиса проблема неравенств не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься россиянами еще острее — причем основные изменения коснулись оценок ситуации в собственной жизни, а не положения дел в обществе в целом, что может приводить к большей социальной напряженности. Что касается динамики этих представлений в 2018–2020 гг., т.е. под влиянием пандемии, то она оказалась неоднозначной — возможно, в силу резкого изменения внешних обстоятельств и смещения «точки отсчета» во многих сферах жизни. Общий рейтинг неравенств, затрагивающих самих респондентов, практически

не изменился, и его продолжило возглавлять неравенство доходов. Однако острота восприятия неравенства в доступе к медицинской помощи и в возможностях отпуска и досуга несколько снизилась (возможно, в силу того, что ухудшения в этих сферах затронули все население, в том числе и благополучных его представителей). Это же касается остроты неравенства жилищных условий. Однако более обостренно стало восприниматься россиянами неравенство, связанное с разными стартовыми возможностями детей.

Как же влияет на восприятие остроты неравенств для общества в целом и себя лично положение в пространстве жизненных рисков и шансов? Данные показывают, что в оценках тех неравенств, от которых страдает общество в целом, россияне из разных страт, выделенных по их жизненным шансам, депривациям и рискам, в целом оказываются достаточно близки. Рейтинг наиболее острых для общества неравенств в их представлениях совпадает, и они со схожей частотой отмечают наиболее болезненные из них для общества (табл. 11.2). Это говорит о том, что такие оценки даются населением исходя из общего видения ситуации в обществе в целом, а не только на основании своего субъективного положения, и еще раз подчеркивает единодушие населения страны в его неудовлетворенности в отношении ситуации с неравенствами, в том числе немонетарными, в современном российском обществе. Это также может косвенно свидетельствовать о понимании даже представителями привилегированных групп населения неустойчивости своих позиций — даже если какие-то неравенства не касаются сегодня их лично, они могут коснуться их буквально завтра.

Два заметных расхождения между разными стратами в их взглядах на ситуацию с неравенствами в обществе в целом наблюдаются в оценках неравенств в возможностях полноценного отдыха и досуга и в возможностях для детей из разных слоев общества — представители нижней страты по сравнению с представителями верхней чаще считают острым первый тип неравенства и реже отмечают второй. Наибольший разрыв в оценке остроты неравенства в возможностях полноценного досуга и отдыха характерен при этом для россиян в возрасте 31–40 лет (среди них это неравенство отмечают как острое для общества 26,5% из нижней страты и 13,8% из верхней), а также для россиян в возрасте 51–60 лет (22,4% и 9,9% соответственно). Проблему неравенства возможностей для детей из разных слоев представители верхней страты, наоборот, воспринимают острее, чем представители нижней, в основном за счет различий во взглядах на этот вопрос россиян в возрасте 18–30 лет

(32,5% и 26,4%), а также 41–50 лет (45,5% и 23,3%) – т.е. тех, кто, возможно, сам еще недавно сталкивался с подобными неравенствами или обеспокоен будущим подрастающих детей. Отметим также, что сам факт наличия детей несколько актуализирует для представителей нижней страты проблему неравенства возможностей отдыха и досуга, а для представителей верхней страты – проблему неравенства возможностей для детей.

Это может отражать различную сравнительную значимость для них соответствующих проблем: если неравенство возможностей для детей из разных слоев означает воспроизводство неравенства в межгенерационной перспективе и снижение социальной мобильности, то неравенство в возможностях досуга и отдыха может расцениваться как значимое различие в сфере потребления. Для негативно привилегированной группы в силу ее неблагоприятного положения различия в возможностях потребления могут восприниматься более болезненно, в то время как для позитивно привилегированной группы более актуальными становятся проблемы сохранения устойчивого положения в условиях внешней нестабильности, в том числе в межгенерационной перспективе.

Что же касается тех оценок, которые связаны с наиболее болезненными неравенствами в их собственной жизни, то различия между стратами, выделенными по жизненным шансам, депривациям и рискам в этом отношении оказываются заметно больше, чем при оценке ситуации в обществе в целом, и наиболее заметны они для самых распространенных неравенств (табл. 11.2). Можно говорить о том, что повседневная жизнь позитивно и негативно привилегированных групп в относительно стабильных внешних условиях качественно отличается, по оценкам их членов, по остроте влияния на нее прежде всего неравенств в области доходов, доступа к медицинской помощи и жилищным условиям, а также неравенств в доступе к хорошим рабочим местам, возможностях для отдыха и досуга, доступе к образованию. По остальным неравенствам различия малозначимы. Такая картина в целом неудивительна, поскольку эти неравенства относятся к тем сферам жизни, которые частично были учтены при построении Индекса жизненных шансов и рисков, но она еще раз подчеркивает наиболее характерные для зон благополучия и неблагополучия в современной России проявления неравенств.

При этом в верхней страте 23,2% ее представителей отмечают, что не страдают ни от каких неравенств, в то время как среди членов нижней страты эта доля составляет только 2,6%. Средняя

Таблица 11.2

Наиболее болезненные неравенства для общества в целом и лично для респондентов из разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %*

Неравенства	Болезненные для общества в целом			Болезненные лично для респондента		
	Страты					
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
Доходов	83,9	83,9	83,2	79,2	71,3	49,6
В доступе к медицинской помощи	72,6	68,7	67,1	57,4	51,5	40,4
Жилищных условий	62,2	65,5	63,1	43,7	35,2	26,8
В доступе к хорошим рабочим местам**	51,0	52,1	52,5	44,9	38,5	26,5
В доступе к образованию	47,4	48,9	45,0	23,4	23,6	18,1
В возможностях для детей из разных слоев общества	29,6	33,3	35,2	18,4	20,1	16,8
В возможностях отдыха и проведения досуга	25,6	22,2	17,8	30,6	27,3	20,9
В обладании собственностью	20,3	17,8	22,5	14,4	15,7	16,9
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10,4	7,9	8,5	9,0	10,1	11,8
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	9,3	8,6	7,8	11,4	10,9	8,7
В физических возможностях	7,7	5,9	5,7	10,0	9,0	8,0
В доступе к культурным, художественным ценностям (театры, музеи, выставки)	6,5	6,2	6,9	8,9	9,0	10,6
В возможностях пользования компьютером и Интернетом	4,9	3,8	3,4	3,3	3,9	4,2
Таких неравенств нет	0,8	1,6	2,0	2,6	7,8	23,2

Примечания. *Серым фоном здесь и далее выделены позиции, которые выбрали более 50% представителей соответствующей группы. **Жирным шрифтом** в таблице выделены позиции, по которым доли назвавших соответствующие неравенства в числе значимых для них лично различались в полярных стратах более чем в полтора раза.

**Доли приведены для работающего населения.

страта, как и во многих других вопросах, демонстрирует картину, характерную для общества в целом, но оказывается при этом ближе скорее к негативному, чем к позитивному полюсу российского общества.

Оценка справедливости неравенств и запрос на их сокращение в разных стратах

Однако при анализе субъективных представлений о неравенствах важна оценка не только их остроты и глубины, но и их справедливости, легитимности их оснований. К сожалению, данные говорят о том, что в этом отношении ситуация в российском обществе даже в периоды стабильного развития выглядит неблагоприятно. Так, половина россиян в 2018 г. считала, что система распределения частной собственности в России является несправедливой, и еще 41,6% были отчасти согласны с этим, отчасти нет. Говоря о том, как оцениваются в России способности и квалификация, только 15,7% были согласны с тем, что люди получают за них достойное вознаграждение, 40,0% лишь отчасти согласны с этим, а 44,3% не согласны с этим утверждением. При этом, оценивая собственную ситуацию, россияне были настроены еще более критично — 87,2% их полностью или отчасти согласились с тем, что получают значительно меньше, чем заслуживают.

В отношении оценки реальной картины с неравенствами в российском обществе и запросов к государству на их сокращение дифференциация позиций россиян в зависимости от их принадлежности к той или иной страте носит различный характер. Так, россияне из страты, характеризующейся устойчивым доминированием позитивной привилегированности, более оптимистично оценивают ситуацию в России с точки зрения неравенства распределения частной собственности, хотя и среди них доля считающих ее несправедливой в разы превышает долю оценивающих ее как справедливую. Представители всех трех страт сходятся и в том, что эффективность труда, которая в целом представляется россиянам легитимным основанием неравенства, о чем мы еще скажем ниже, в современных российских условиях не отражается в соответствующей оплате труда — от 41,7% до 46,7% каждой страты не согласны с тем, что работники в России в целом получают достойное вознаграждение за свои усилия, а от 31,8% до 48,0% считают, что это относится и к их личной ситуации³ (рис. 11.1). Неудивительно, что в таких условиях

³ Если же говорить только о работающих россиянах, то лишь 14,1% их (от 11,8% до 17,6% в разных стратах) считали в 2018 г., что люди в России получают соответствующее вознаграждение за свою квалификацию, интеллектуальные способности и тяжесть труда. Наиболее остро дисбаланс между своей зарплатой, с одной стороны, и необходимой для их работы квалификацией и тяжестью их труда, с другой, воспринимают представители нижней страты — в ней

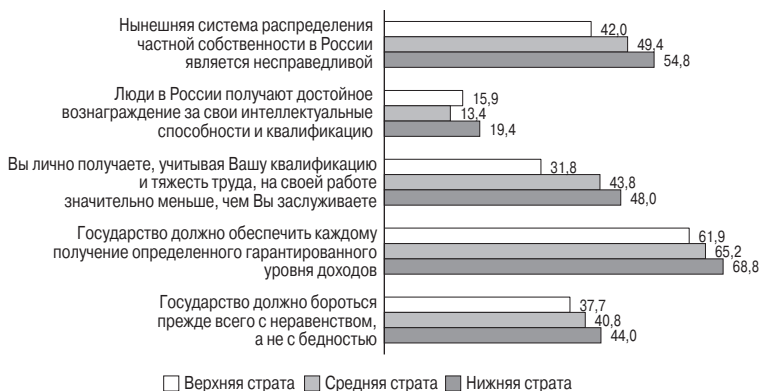

Рисунок 11.1

Оценка справедливости неравенств в российском обществе и запрос к государству на его сокращение в разных стратах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % согласных*

Примечание. *На рисунке не представлены те, кто выбрал ответы «отчасти согласен, отчасти нет» и «не согласен».

большинство представителей каждой из выделенных страт находят привлекательной идею гарантированного уровня доходов.

Нужно обратить внимание, что, как и при оценке неравенств, россияне из разных страт сходятся в оценке ситуации, сложившейся в обществе в целом, но различаются в оценках своего собственного положения в этой ситуации — в данном случае это видно из оценок справедливости оплаты собственного труда, которая наиболее болезненно воспринимается представителями страты с доминированием негативной привилегированности.

При этом представители всех трех страт склоняются к тому, что государство должно бороться, прежде всего, с неравенством, а не с бедностью. Данная точка зрения доминирует даже среди представителей нижней страты (44,0% их согласны с этим утверждением, 16,2% не согласны, а остальные не дали определенного ответа). Это говорит о том, что сами россияне ощущают важность и остроту разных типов немонетарных неравенств, характеризующих их повседневную жизнь.

о том, что они получают значительно меньше того, чем заслуживают с учетом этих факторов, говорили в тот момент более половины работающих ее представителей (53,1% при 45,2% в средней и 30,5% в верхней страте).

Формированию запроса к государству на борьбу с неравенствами способствуют и доминирующие в общественном сознании представления о причинах бедности и богатства в современном российском обществе — большинство населения видит эти причины в основном не в личных качествах или усилиях самого человека, а в воздействии «внешних» факторов: вины государства в первом случае (62,9%) и везения или социального капитала — во втором (61,5%). Однако при большем благополучии, как уже отмечалось в главе 10 данной книги, чаще можно встретить представления о меритократических основах общественного устройства российского общества. Так, если в нижней страте причины бедности видят в недостаточной активности государства по борьбе с ней более 70%, и столько же объясняют везением и связями достижение благополучия отдельными людьми, то в верхней страте россияне делятся в этом отношении на две практически равные подгруппы. Устойчиво верят во влияние на положение человека внешних факторов, объясняя одновременно и бедность, и благополучие именно ими, 53,6% нижней страты и 29,3% верхней. Средняя страта занимает между ними промежуточное положение (41,4%).

Восприятие общей проблемы социальных неравенств как достаточно острой — и для общества в целом, и для собственной жизненной ситуации — приводит к формированию запроса россиян на сокращение существующих неравенств. Одной из иллюстраций этого является наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями современного российского общества в оценках населения. Описывая его конфигурацию, три четверти россиян представляли себе весной 2018 г. «пирамиду» с широким «низом» и постепенно суживающимся «верхом» (44,9%) или сочетание многочисленных нижних слоев, оторванных от малочисленных верхних (31,0%). Модели, характеризующиеся массовыми средними слоями (с немногочисленными верхними и нижними слоями или вообще без них) выбирали для описания реального положения дел лишь четверть россиян. Между тем, говоря об идеальной модели, более половины населения выбирало общество высокой социальной однородности, в то время как модели без массовых средних слоев выступали в роли идеальных лишь для 27,2%. Это ярко демонстрирует запрос большей части населения на снижение социальных неравенств в современной России.

Сравнение с данными 2012 г. (табл. 11.3) показывает, что представления россиян за этот период заметно трансформировались, и основной тенденцией стало снижение толерантности к степени

Таблица 11.3

**Идеальная и реальная модели современного российского общества
в представлениях россиян, 2012–2018 гг.,
% от россиян в возрасте 18–55 лет***

Модели российского общества				
Идеальная (2012)	9,1	20,2	31,5	39,2
Идеальная (2018)	7,2	19,3	19,6	53,9
Реальная (2012)	28,4	57,5	12,2	1,9
Реальная (2018)	30,6	44,3	16,8	8,3
Разница (2012)	-19,3	-37,3	19,3	37,3
Разница (2018)	-23,4	-25,0	2,8	45,6

Примечание. * Выборка исследования 2012 г. охватывала россиян не старше 55 лет, поэтому данные 2018 г. в таблице для сопоставимости также приведены только для россиян в возрасте 18–55 лет. При этом различия с данными по населению в целом составляли в 2018 г. по всем позициям не более 1 п.п.

общественного неравенства и рост запроса на социальную однородность. Модели «пирамиды» или немногочисленных верхних слоев при многочисленных нижних, впрочем, в обоих случаях выбирали в качестве оптимальных для России в совокупности менее 30% населения, и снижение приверженности им сократилось незначительно. А вот «голоса» за модель с массовыми средними слоями при немногочисленных верхних и нижних слоях или модель социальной однородности резко перераспределились за 2012–2018 гг. в пользу последней, т.е. именно модель общества социальной однородности стала пользоваться наибольшей популярностью у большинства населения. Что же касается оценок реальной социальной структуры современного российского общества, то в этом отношении изменения были менее выраженными. В итоге первые две модели продолжают представляться россиянам отражением реальной, но не идеальной структуры общества, в то время как 4-я модель все больше отражает «несбыточный идеал», демонстрируя нарастающее стремление к сглаживанию неравенств в российском обществе.

Отличаются ли в этом плане представители разных страт, выделенных по их жизненным шансам, депривациям и рискам? Данные показывают, что различия между ними не носят качественного характера. Во всех трех группах доминирует представление о социальной структуре современного российского общества как пирамиде (43,8% в нижней и 45,6% % в верхней) или многочисленных нижних слоях при небольшой доле верхних (34,2% в нижней и 28,8% в верхней стратах). Оценка желаемых моделей общественной структуры при этом различается в несколько большей степени, хотя в целом общая картина в разных группах остается схожей: так, к обществу социальной однородности (модель 4 в табл. 11.3) склоняются 56,5% представителей негативно привилегированной группы при 46,5% позитивно привилегированной, а к модели с высоким неравенством (т.е. модели 1 и 2 в табл. 11.3) — 25,5% и 30,2% соответственно. Таким образом, независимо от собственного положения в пространстве жизненных шансов и рисков, россияне фиксируют устойчивое несоответствие между оптимальной и реальной структурами российского общества, что также приводит к росту запроса среди населения на сглаживание существующих неравенств.

Этот вывод дополнительно можно проиллюстрировать, выделив, с одной стороны, тех, чьи представления о реалиях современной России связаны с констатацией достаточно высокой степени неравенства (т.е. выбирающих 1-ю или 2-ю модель как реальную в табл. 11.3) и при этом не соответствуют их представлениям об идеальном общественном устройстве (которые отражаются в выборе ими 3-й или 4-й модели как идеальной), а с другой стороны тех, чьи представления о реальной и идеальной модели современного общества совпадают (независимо от степени неравенства, которую они при этом фиксируют). Численность этих групп составляла в 2018 г. по населению в целом 57,2% и 15,1% соответственно⁴, что свидетельствует о высоком дисбалансе между ожиданиями и реальностью у большинства россиян. В верхней страте этот дисбаланс меньше, чем в нижней (ожидания не совпадают с реальностью

---

⁴ Остальные 27,7% россиян включали тех, кто констатирует невысокую степень неравенства в современной России (выбирая модели 3 или 4 как реальные), а также тех, кто, склоняясь к более высокому или низкому уровню неравенства как в своих идеальных представлениях, так и при описании реальности, расходятся при этом в конкретной конфигурации модели (например, описывая действительность с помощью модели 1, но выбирая как идеальную модель 2).

у 52,7% и 60,8% этих групп соответственно, а совпадают — у 17,7% и 13,6%), но даже эти небольшие различия не меняют общей картины, подтверждая, что, независимо от собственного положения в матрице немонетарного неравенства жизненных шансов и рисков, высокая доля населения предъявляет запрос на иную конфигурацию социальной структуры российского общества. Причем это относится даже к наиболее благополучным с точки зрения соотношения их жизненных шансов и рисков россиянам.

Такая ситуация порождает ряд серьезных вызовов для государственной социально-экономической политики в отношении обеспечения в российском обществе справедливости при сокращении неравенств. Ответ на эти вызовы должен учитывать те ресурсы реализации продуктивной роли неравенств, которые дают представления населения о справедливости, тем более что такой ресурс в российском обществе пока еще есть, хотя и сокращается.

Прежде всего в этой связи надо отметить, что, стремясь к обществу большей социальной однородности, большинство россиян имеют в виду всё же не равенство доходов и условий жизни (41,3%), а равенство возможностей (58,7%). Это соотношение в последнее десятилетие было достаточно устойчиво, хотя по сравнению с 1995 г. доля выбирающих равенство доходов в противовес равенству возможностей заметно возросло (в тот момент оно составляло 25/75), что может отражать разочарование в «правилах игры», не способствующих закреплению справедливых в глазах населения оснований для неравенств. Наблюдающаяся в долгосрочном периоде тенденция роста запроса на равенство доходов свидетельствует о том, что потенциал «продуктивности» неравенств, который можно было бы использовать в целях развития страны, постепенно сокращается. Причем, в отличие от ситуации с оценками неравенств в обществе в целом или моделей социальной структуры, в разных стратах эта картина различается достаточно заметно: так, среди характеризующихся доминированием позитивной привилегированности равенство возможностей выбирают более чем три четверти (78,5%), в средней страте эта доля снижается до 58,5%, отражая общестрановую картину, а в страте, характеризующейся доминированием негативной привилегированности, она падает до 45,7%, т.е. в ней доминирует установка на равенство доходов. Кроме того, такое доминирование характерно в ней как для неработающих, так и для работающих ее представителей, в отличие от двух других страт, где сторонники равенства доходов концентрируются в основном среди экономически неактивного населения.

Такое соотношение установок говорит о том, что при дальнейшем ухудшении социально-экономической ситуации, причем не столько в отношении доходов населения, сколько в отношении доступных россиянам жизненных шансов и ограничивающих их возможности рисков, их запрос на равенство доходов будет усиливаться.

Возможности для реализации продуктивной роли неравенств дает и то, что в общественном сознании пока продолжают доминировать представления о допустимости и даже желательности справедливых по своим основаниям неравенств, которые связаны с трудовой деятельностью людей. Пока еще большая доля россиян склонна скорее соглашаться, чем не соглашаться с тем, что работающие быстрее и эффективнее должны получать больше, чем занимающие те же позиции, но работающие менее эффективно (62,4% согласны с этим и 6,4% не согласны), а также с тем, что неравенство доходов справедливо, если все имели равные возможности для заработка (50,7% и 15,1%). Более высокие доходы у тех, кто получил более высокий уровень образования, считают справедливыми 45,2%, а несправедливыми – 10,0%. Таким образом, эффективность работы и квалификация в условиях равных возможностей продолжают оставаться в глазах россиян легитимными основаниями для формирования монетарных неравенств, хотя и при определенных оговорках. При этом разные профессии в качестве такого основания россиянами скорее не воспринимаются – их считают справедливым основанием неравенства 25,2%, а несправедливым – 34,0%. Нужно отметить, однако, что достаточно высокие доли лишь отчасти согласных со справедливостью этих оснований неравенств свидетельствуют о неоднозначности восприятия россиянами ситуации, сложившейся в данной сфере. Возможно, здесь сказывается недоверие россиян к тому, что такие «правила игры» действительно могут быть установлены и соблюдаться для всех, поскольку пока принципы справедливости, по их мнению, на практике не выполняются.

Более того, динамика ответов на эти вопросы свидетельствует о том, что толерантность даже к тем неравенствам, которые ранее представлялись справедливыми большинству населения, постепенно снижается. Так, в 2013 г. более высокая заработная плата у тех, кто работает быстрее и эффективнее, представлялась справедливой 73,9% населения (в 2018 г. – уже 62,4%), а у тех, кто получил более высокий уровень образования – 62,7% (в 2018 г. – 45,2%). Возникающее в условиях равенства возможностей неравенство доходов считали пять лет назад справедливым 64,5% россиян

(в 2018 г. — 50,7%), а разные профессии как основание неравенства доходов — 46,8% (в 2018 г. — 25,2%). Как видим, в этот период произошло значительное снижение толерантности ко всем основаниям неравенств, представлявшихся справедливыми большинству населения в 2013 г. Это соотносится и с приведенной выше динамикой представлений населения об идеальных и реальных моделях социальной структуры — неэффективное функционирование или отсутствие «правил игры», которые в нормативной модели расцениваются как справедливые, но не выполняются на практике, приводит к растущему запросу на общее «выравнивание». С точки зрения перспектив развития страны это также говорит о сокращении возможного потенциала использования неравенств как продуктивного стимула для конкуренции и построения эффективной модели развития.

Эта картина также имеет свою специфику для представителей массовых слоев, занимающих качественно различающееся положение в пространстве жизненных шансов и рисков. Члены верхней страты гораздо более толерантны в своем отношении к неравенствам, чем члены нижней страты, и это касается как неравенств в целом, возникших в условиях равенства возможностей, так и конкретных их оснований — они в значительно большей степени считают приемлемыми неравенства, основанные на более эффективной работе или более высоком уровне образования. Неравенства, возникшие при исходном равенстве возможностей и основанные лишь на различиях в эффективности работы или уровне образования, считают справедливыми только 18,5% нижней страты, 23,5% средней и 31,2% верхней — таковы в этих группах доли согласных одновременно со всеми тремя этими утверждениями. Разные профессии в качестве основания неравенства воспринимаются во всех группах неоднозначно, но в верхней страте они чаще рассматриваются как справедливое основание неравенства, в нижней страте — как несправедливое (рис. 11.2).

Еще более неоднозначной выглядит оценка россиянами проявлений неравенств, обусловленных монетарным неравенством — возможностей для имеющих более высокие доходы обеспечивать себе более высокий уровень и качество жизни. Так, население достаточно толерантно относится к покупке ими лучшего жилья (46,2% согласных с тем, что это справедливо, при 13,8% отмечающих, что это несправедливо) и считает скорее справедливым то, что они смогут дать детям лучшее образование (37,4% и 21,6% соот-

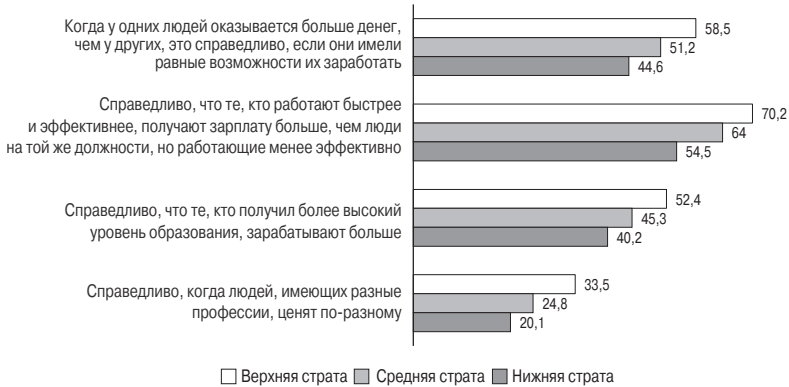

Рисунок 11.2

Оценка справедливости различных оснований неравенства в различных стратах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % согласных*

Примечание. *На рисунке не представлены доли тех, кто выбрал ответы «отчасти согласен, отчасти нет» и «не согласен».

ветственно⁵). В отношении большей пенсии для людей с большими зарплатами доли согласных и несогласных со справедливостью такого положения дел еще больше сближаются (30,6% и 25,3%), а вот в отношении возможностей для людей с высокими доходами получать медицинские услуги более высокого качества доля согласных значительно ниже доли несогласных с таким положением вещей (22,6% и 39,6%). По всей видимости, платное образование для детей (при наличии опции бесплатного образования для всех) воспринимается значительной частью населения, если говорить о справедливости ситуации в обществе в целом, не столько как дополнительная возможность социальной мобильности и более успешного старта, сколько как одно из направлений потребления, как и жилье, что приводит к более спокойной оценке этого проявления неравенства; в отношении же неравенств в жизненно важной сфере медицинского обслуживания (с учетом обострения этой проблемы в данной сфере в глазах россиян) население не так толерантно.

Динамика в этом отношении также демонстрирует снижение толерантности к проявлениям неравенств в разных сферах жиз-

⁵ Причем среди россиян, имеющих несовершеннолетних детей, эти цифры практически не меняются — так, согласны со справедливостью этого 36,1% из них, а не согласны — 22,2%.

Рисунок 11.3

**Оценка справедливости различных неравенств в разных стратах,
ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % согласных***

Примечание. *На рисунке не представлены те, кто выбрал ответы «отчасти согласен, отчасти нет» и «не согласен».

ни: так, в 2012 г. покупку лучшего жилья имеющими более высокие доходы считали справедливым 51,6% (в 2018 г. — 46,2%), лучшее образование для детей из обеспеченных семей принимали как справедливое 49,8% (в 2018 г. — 37,4%), более высокую пенсию для имеющих более высокие зарплаты считали справедливой 48,4% (в 2018 г. — 30,6%), а доступ к медицинским услугам более высокого качества для имеющих большие доходы расценивали как справедливый 27,3% (в 2018 г. — 22,6%). Правда, нужно отметить, что доли считающих это несправедливым также сократились, хотя и в заметно меньшей степени — по всей видимости, происходит снижение поляризации взглядов россиян в данной области. Тем не менее это не отменяет главного вывода из приведенных выше данных — за период 2012–2018 гг. произошло снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов.

В этой связи представители верхней страты, сохраняющие пока относительно большую толерантность к разным проявлениям неравенств, могут еще выступать социальной базой поддержки социально-экономической политики государства, основанной

на идее продуктивных неравенств и их стимулирующей роли, в то время как нижняя страта уже в массе своей не готова поддерживать такой вектор развития (рис. 11.3). Скорее несправедливым представители верхней страты считают только неравный доступ к медицинским услугам, хотя среди них перевес даже в этом вопросе не так значителен: 32,6% при 29,8% оценивающих это неравенство как справедливое. В то же время среди россиян из нижней страты доля согласных со справедливостью разных проявлений неравенства заметно превышает долю несогласных только в отношении лучших жилищных условий. В отношении образования для детей эти доли сближаются, а при оценке неравенства пенсий и доступа к медицине, возникшего на основании неравенства доходов, доля несогласных со справедливостью такого положения дел заметно превышает долю считающих это справедливым (и особенно велик разрыв в отношении медицинских услуг — 46,6% и 17,4% соответственно).

Субъективная социальная структура российского общества

Обратимся теперь к другому, также связанному с общей темой данной главы, сюжету — вопросу субъективной социальной структуры российского общества. Выше мы рассматривали вопрос о том, как эта структура в целом выглядит с точки зрения россиян, но к ее анализу можно подойти и с другой стороны, определив ее общую конфигурацию через те оценки, которые население дает своему собственному положению в обществе и его динамике. Эти оценки могут даже в большей степени определять социальное самочувствие россиян, чем объективные реалии их жизни, хотя последние, безусловно, оказывают влияние на сами эти оценки. О распределении оценок своего положения в обществе в разных стратах уже шла речь в главе 10. Важно, однако, рассмотреть не только различия субъективных оценок своего положения в обществе, но и степень их расхождения с желаемым, справедливым общественным положением. Оценка своего положения в обществе «по справедливости» представителями разных страт по жизненным шансам представлена на рис. 11.4.

В целом запросы россиян в отношении положенного им «по справедливости» места в обществе нельзя назвать завышенными — среди них также доминируют средние позиции (в 2018 г. — 40,7%) или позиции выше среднего (в 2018 г. считали, что должны нахо-

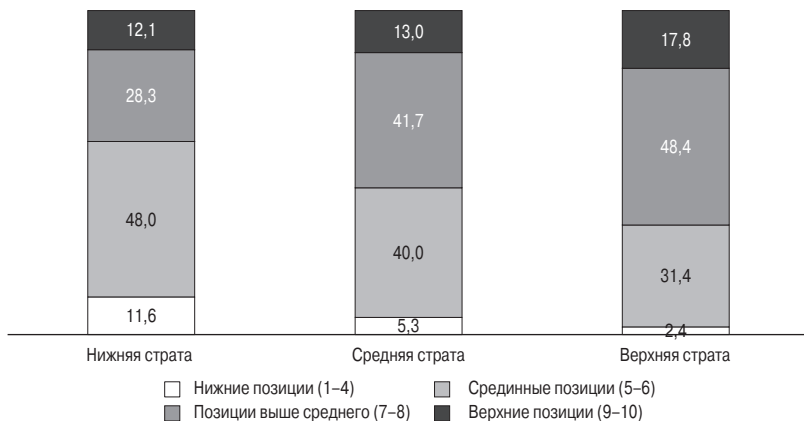

Рисунок 11.4

Самооценка положенного им «по справедливости» положения в обществе представителями разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

даться на 7–8 ступени, 39,1% россиян), хотя на самых верхних позициях в обществе видят справедливое для себя место только 13,7%. При этом в группах с разным соотношением жизненных шансов и рисков оценки своего справедливого общественного положения имеют следующий характер: представителям верхней страты чаще всего справедливыми кажутся позиции выше среднего (48,4% при 31,4% выбирающих средние позиции); в средней страте доли выбирающих позиции выше средних и средние позиции практически совпадают (41,7% и 40,0%), а в нижней страте доминирует представление как о справедливых для себя срединных позициях, а не позициях выше среднего (28,3% и 48,0% соответственно) (рис. 11.4). Более того, если в верхней страте доля ставящих себя «по справедливости» на две самые высокие позиции заметно превышает долю определяющих себя на четыре самые нижние позиции (17,8% и 2,4%), то в нижней страте они практически совпадают (12,1% и 11,6%). Все это говорит о том, что представители наименее благополучной страты с точки зрения характеризующих их жизнь рисков и деприваций, с одной стороны, а также шансов и возможностей, с другой, отличаются не только более низкой самооценкой своего положения в обществе, но и более низкими запросами в этом отношении. Они в массе своей считают, что высокие позиции в обществе им вообще «не положены». Частично именно такая

ситуация – более высокие представления о собственном справедливом положении у тех, кто изначально объективно находится в более благоприятной ситуации, и более низкие запросы среди менее благополучных групп – сглаживает социальную напряженность среди населения в целом и его наименее благополучных слоев в частности. Однако даже она не ликвидирует ее полностью, поскольку, во-первых, для представителей нижней страты речь идет все-таки при определении их справедливого места в социальной иерархии о средних, а не нижних позициях, а во-вторых, даже при большей скромности их запроса, разрыв между реальным и справедливым общественным положением у них все же заметно выше, чем у представителей средней и верхней страт. Так, для населения в целом расхождение между занимаемым положением и тем положением, которое они должны были бы занимать «по справедливости», составляет в среднем 1,6, а медианная величина разрыва – 1 «ступенька» «социальной лестницы». Однако если в верхней страте эти значения составляют 1,1 и 1, то в нижней – 2,0 и 2, т.е. справедливая позиция представляется для находящихся в зоне доминирования негативной привилегированности россиян в среднем на две «ступени» выше реальной.

Таким образом, субъективная стратификация, с одной стороны, связана с теми позициями, которые россияне занимают на иерархической шкале жизненных шансов и рисков, но, с другой – тяготение к срединным позициям, как и различие запросов, которое может зависеть от большого количества факторов (представлений о норме при справедливом положении дел, уровня жизни и его динамики – как собственного, так и в референтной группе и т.д.) вносят в эту картину свои корректировки.

Выводы

Проблема социальных неравенств остро стоит сегодня для российского общества не только с точки зрения их объективной глубины, но и с точки зрения восприятия населением этой проблемы как особенно острой. Социальные неравенства представляют собой серьезный вызов для общества, и население видит основным актором решения этой проблемы именно государство. Дисбаланс между «идеалом» и «реальностью» при этом опасен снижением доверия к власти и сокращением для нее «коридора возможностей». В этом отношении рост разрыва между ожидани-

ями и реальностью, характерный для представителей всех страт, вызывает особое беспокойство. Важно, что проблему неравенств осознают представители как наиболее, так и наименее благополучных групп. Представители трех страт, выделенных по характеризующим их положение жизненным шансам и рискам, в целом сходятся в оценках ситуации с неравенствами в обществе в целом, хотя свое собственное положение в различных измерениях неравенства они при этом характеризуют по-разному: их повседневная жизнь отличается, по их собственным оценкам, по остроте влияния на нее неравенства доходов, доступа к медицинской помощи, жилищных условий, доступа к хорошим рабочим местам, неравенства возможностей отдыха и досуга, доступа к образованию — т.е. всех тех неравенств, которые они считают наиболее острыми для российского общества.

Динамика ситуации при этом свидетельствует, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается: происходит снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов. Это может оказать негативное влияние на возможности решения стратегической задачи, поставленной перед страной — «прорывного» развития. С другой стороны, часть россиян, особенно представители верхней страты, еще сохраняют толерантность к проявлениям неравенств, возникающих на справедливых основаниях, а также в большей степени разделяют идею о меритократических основаниях неравенств в современном российском обществе (хотя и среди них это представление не является доминирующим). Поэтому они пока еще способны выступать социальной базой поддержки вектора развития, основанного на идеях дифференциации результатов труда при исходном равенстве возможностей и стимулирующей роли неравенств. В то же время нижняя страта уже не готова поддерживать такой вектор развития, как и тяготеющая к ней в этом отношении средняя страта.

Что касается субъективной социальной структуры современного российского общества, то накануне коронакризиса она уже выглядела неблагоприятно, поскольку характеризовалась серьезным расхождением реальных оценок своего положения и тех позиций в социальной иерархии, которые россияне должны были бы занимать в обществе «по справедливости». Последние представлялись им более высокими, чем их нынешние позиции, однако их

запросы в этом отношении нельзя назвать сильно завышенными. При этом нижняя страта, хотя и характеризуется наиболее скромными запросами в этом отношении, оказывается в наименее благополучной ситуации с точки зрения разрыва между реальным и справедливым, по мнению ее представителей, положением дел, остро переживая свое нынешнее положение. О неблагополучии в области субъективного восприятия социальной структуры российского общества свидетельствует также динамика изменения представлений о ней и рост запроса на формирование в России общества социальной однородности.